

УДК 327.8

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ: УГРОЗА МИРОВОМУ ПРАВОПОРЯДКУ

А.В. Неронова

Раскрыто содержание понятия “гуманитарная интервенция” и рассмотрена ее угроза мировому правопорядку.

Ключевые слова: гуманитарная интервенция; гуманитарное вмешательство; государственный суверенитет; новый мировой порядок.

HUMANITARIAN INTERVENTION: A THREAT TO THE WORLD LAW AND ORDER

A. V. Neronova

The content of the concept of humanitarian intervention and its threat to the world law and order is considered in the article.

Key words: humanitarian intervention; state sovereignty; the New world order.

Ярким проявлением глобализации в политической и гуманитарной сферах и фактическим элементом нового мирового порядка, на протяжении двух последних десятилетий, стало “узаконенное” вмешательство во внутренние дела суверенных государств по гуманитарным поводам – так называемая “гуманитарная интервенция”.

Гуманитарная интервенция (по нашему мнению, терминологически более точно – гуманитарная война) представляет собою прямое военное вмешательство во внутренние дела иностранного государства посредством применения вооруженной компоненты другого государства либо коалиции таких государств против определенной страны либо располагающихся на ее территории каких бы то ни было структур, и мотивированное угрозой наступления гуманитарной катастрофы либо проявлением геноцида по отношению к местному населению. Данное понятие не включает в себя следующие акции: 1) миротворческие операции, осуществляемые под эгидой ООН и при наличии согласия того государства, в границах которого они осуществляются; 2) реализуемые посредством использования военной силы по призыву законного правительства страны-объекта, в том числе в рамках соответствующих межгосударственных или международных соглашений (здесь следует отметить существование на практике таких ситуаций, в которых установление законности соответствующего правительства либо наличия действительного согласия представляется проблематичным или небесспорным);

3) операции военного характера того или иного государства, ориентированные на спасение находящихся за рубежом собственных граждан, чьим жизням либо здоровью угрожает неминуемая опасность; 4) имеющие принудительный характер, но не включающие в себя вооруженную компоненту.

Как инструмент внешней политики гуманитарная интервенция обрела, на наш взгляд, масштабное применение после распада СССР, в условиях разрушения мирового стратегического баланса сил, став эффективным орудием в руках единственной мировой сверхдержавы – США. Утрата преемницей СССР – Россией, позиций, завоеванных Советским Союзом, являвшегося практически единственным реальным оппонентом США на международной арене, и, как следствие, возможности активного противостояния Соединенным Штатам и их союзникам в осуществляемой ими агрессивной внешней политики, позволили США, по существу, закрепить понятие “гуманитарной интервенции” в арсенале мер так называемого “мирового сообщества”. Употребляя последнее понятие в кавычках, мы считаем необходимым подчеркнуть определенную избранность субъектов мирового права, принявших на себя право на осуществление такой акции. Полагаем уместным, в этой связи, привести мнение В. А. Гусейнова, который подчеркивает то обстоятельство, что гуманитарная интервенция опасна, прежде всего, возможностью приватизации подобных акций отдельными странами [1, с. 83].

В условиях однополярного мира произошло слияние наговской концепции гуманитарной интервенции с рожденной на Западе концепцией “ограниченного суверенитета”, предполагающей вмешательство во внутренние дела государств под различными предлогами. Цель данного слияния – ограничение суверенитета неугодных государств и установление нового миропорядка по образцу, задуманному США, для чего необходима корректировка внутренней политики некоторых государств, вплоть до смены их политического курса.

Концепция гуманитарной интервенции, принятая НАТО, служит оправданием дальнейшего расширения блока, усиления его военной мощи и коррекции стратегических планов организации. Данная тенденция четко просматривается в таких документах, формулирующих стратегию НАТО, как Декларация о преобразовании Североатлантического союза (Лондон, июль 1990 г.); Новая стратегическая концепция союза (Рим, ноябрь 1991 г.) и Стратегическая концепция североатлантического альянса (Вашингтон, апрель 1999) – “Широкий подход”. Последняя документально зафиксировала возможность использования вооруженных сил НАТО без соответствующего решения Совета Безопасности ООН, в том числе и вне рамок зоны ответственности блока. Уже в марте-июне 1999 г. данное положение было реализовано на практике в ходе бомбардировок Югославии.

Гуманитарная интервенция становится главным инструментом США в реализации ими собственных глобальных гегемонистских планов. После кризисов в Боснии и Косово, мировое сообщество отказалось от принципа разрешительности (*laissez-faire*), который со времени Вестфальского мира 1648 г. считался системообразующим и предусматривал неограниченную свободу суверенных государств во внутренней политике, если они непосредственно не угрожают безопасности других стран. Во время войны в Косово страны НАТО вмешались во внутренние дела Сербии, не граничившей ни с кем из членов Североатлантического альянса.

Таким образом, можно констатировать, что ведущие страны Запада в своей внешнеполитической деятельности руководствуются новой доктриной “избирательной легитимности”. Согласно этой доктрине они присвоили себе право не только определять, насколько легитимны внутриполитические действия суверенных правительств, но и устанавливать пределы государственного суверенитета. Подобный подход однозначно увеличивает потенциал недоверия и конфликтности в международной политике и непосредственно в межгосу-

дарственных отношениях. Вопреки псевдогуманистической пропаганде роль силы в международных отношениях чрезвычайно возросла, а карта уже не только Европы, но и мира в целом, вновь стала расплывчатой, как и в недалеком историческом прошлом. Подобная ситуация становится объективным основанием новой “гонки вооружений”, вовлекая в нее, в первую очередь, страны из числа “изгоев”, то есть потенциальных объектов гуманитарной интервенции. Особую остроту данной проблеме придает то обстоятельство, что гонка вооружений в ее новом качестве чревата значительным расширением числа членов мирового “ядерного клуба” за счет стран именно указанной категории.

США практически приняли на себя право единолично назначать критерии “правды” и самим выступать в качестве судьи, карая всех непокорных и диссидентствующих. Объявление этим самозванным судьей кого-либо “нецивилизованным”, а, значит, подлежащим грубому давлению извне, предполагает лишение защиты в формате норм международного права. Сегодня фантом “воли международного сообщества” прикрывает агрессию и карательные операции исключительно со стороны избранных членов международного сообщества. По сути данный подход представляет собою крайне серьезную угрозу понятию “государство и суверенитет”, самой системе международного права, Уставу ООН и принципу невмешательства, знаменует собою конец эры государства-нации.

Активизацию усилий наиболее развитых стран мира, в первую очередь Соединенных Штатов, по укреплению собственной экономической мощи за счет более слабых, а также устранению или ослаблению своих основных конкурентов, объективно, на наш взгляд, обусловил кризис 2008 г. События последних лет, в первую очередь “арабская весна”, подтверждают, что США на современном этапе по значительному числу важных международных вопросов не стремятся к достижению консенсуса с другими заинтересованными сторонами, включая крупные мировые державы, игнорируя их позиции. Достаточно четко во внешнеполитической линии США просматривается тенденция по разрешению той или иной ситуации в собственных интересах силовыми методами, в инструментарию которых основное место отведено гуманитарной интервенции.

Именно гуманитарное вмешательство во внутренние дела суверенных государств в качестве новой политики “воздействия” становится в настоящее время одним из определяющих элементов формирующегося нового миропорядка. Сама

концепция гуманитарного вмешательства построена на примате прав человека над суверенитетом, независимостью и территориальной целостностью государства, выражая мондиалистскую идеологию.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. заявляет, что признание неотъемлемого достоинства, равных и неотчуждаемых прав человека является основой для достижения свободы, справедливости и всеобщего мира [2]. Отсюда выстраивается следующее логическое заключение. Поскольку ООН, в частности Совет безопасности, не способен заниматься вопросами поддержания мира и распространения основополагающих прав и свобод человека, то гуманитарная операция должны проводиться без санкции СБ ООН. Поэтому неудивительно, что адепты гуманитарных интервенций предпочитают апеллировать не к Уставу ООН, в частности к Всеобщей декларации прав человека.

Проблема, однако, заключается в том, что данная Декларация не сопровождается механизмом, ориентированным на реализацию заявленных в ней норм. Таким образом, наблюдается прямое несоответствие между правилами, заложенными в Уставе ООН, и правами, сформулированными во Всеобщей декларации прав человека. Так, если Устав определяет целями Организации обеспечение всеобщего мира и безопасности, для чего предпринимает эффективные меры в данном направлении [3], что закреплено рядом соответствующих документов международного формата, то Декларация заявляет о гарантируемых каждому человеку правах, однако непосредственно не предусматривает механизма их обеспечения, который как таковой отсутствует и в развивающих ее идеи резолюциях.

Идея гуманитарной интервенции укладывается в общие рамки либеральных идей, ставших основой для формирования современных западных демократий и правовых систем. Так, защитники гуманитарной интервенции аргументируют свою позицию следующим образом: “Концепция государственного суверенитета провозглашает принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств и рассматривает таковое вмешательство в качестве акта прямой агрессии, однако, сам суверенитет обладает внешней и внутренней составляющей. Поэтому, если суверенитет, который априори есть некое инструментальное благо, не служит гарантированию основополагающих прав человека – он теряет свою ценность и достоинство. Понятно, что в таком ракурсе масштабные нарушения прав человека означают делегитимизацию государственного суверенитета – как внутреннего, так и внешнего” [4].

Неопределенность трактовки гуманитарной интервенции является геополитически востребованной, поскольку, не имея веса в международном праве, гуманитарные интервенции предоставляются политикам и военным для насильственной смены неугодных режимов и установления своего военно-политического контроля над регионами. Предложенная в этом контексте концепция “ответственности по защите” не имеет четкой международно-правовой дефиниции, но является важной базовой концепцией Запада для осуществления вмешательства в собственных геополитических целях. На основе пунктов 138–140 Итогового документа Всемирного саммита 2005 г., принятого Генеральной Ассамблеей ООН 16 сентября 2005 г., данная концепция содержит три следующие компоненты : 1) обязательство каждого государства защищать собственное население от геноцида, этнических чисток и военных преступлений, и предотвращать таковые; 2) оказание международной помощи и формирование соответствующего потенциала, необходимого для защиты населения (в этом случае речь идет об обязательствах со стороны международного сообщества, при наличии соответствующего обращения конкретного государства, по оказанию помощи и содействия ему в выполнении обязательств государства по защите собственных граждан, включающих укрепление, на экспертном уровне, правоохранительной и судебной систем, а также помощи гуманитарного или экономического характера) ; 3) коллективные действия, ориентированные на содействие конкретному государству в исполнении принятых им обязательств, связанных с защитой населения (данная компонента возлагает на международное сообщество обязательство предпринимать через ООН предусмотренные соответствующими нормами Устава организации мирные меры гуманитарного, дипломатического и иного характера, призванные обеспечить реализацию “обязательств по защите”; крайние меры, при этом, могут быть применены ООН исключительно при условии недостаточности мирных средств и явной неспособности национальных властных структур к защите собственного населения) [5].

Очевидно, что идея гуманитарной интервенции в ее концептуализации вступает в прямое противоречие с закрепленными в Уставе ООН принципами государственной суверенности, территориальной целостности и верховенством полномочий. Гуманитарные интервенции были осуществлены в Афганистане (2001 г.), Ираке (2003 г.) и Ливии (2011 г.) без соответствующих санкций ООН. К числу последних относится, несомненно, и бом-

бардировка военно-воздушными силами США боевых позиций боевиков “Исламского государства” на территории Ирака (2014 г.).

Однако, по нашему мнению, следует избегать дополнительной легитимизации гуманитарной интервенции в формате международного права, поскольку преодоление проблем, на разрешение которых декларируется данная акция, достаточно детально разработано в рамках основополагающих документов ООН, в первую очередь в ее Уставе, и довольно успешно реализовано на практике в ходе санкционированных ООН миротворческих операций. Нормативно-правовое закрепление таких акций на международном уровне способно окончательно разрушить установившийся и в целом оправдавший себя после Второй мировой войны мировой правопорядок. Осуществление гуманитарных интервенций должно происходить строго в формате международного права, хотя оснований для оптимизма в этом направлении в ближайшей перспективе не просматривается. Предотвращение в будущем гуманитарных интервенций как неправомерных в формате международного права инструментов разрешения тех или иных проблем глобального и регионального уровней возможно, на наш взгляд, лишь в рамках консолидированных усилий субъектов мирового сообщества, инициатором которых должны выступить государства, заявляющие о себе в качестве новых полюсов силы в складывающемся современном многополярном мире. Среди таких стран, в первую очередь, находятся Россия и Китай, возрастающий вес которых на мировой арене дает основания к ограничению безусловного доминирования на ней США, что имело место на протяжении последних двух с половиной десятков лет. Фактом того, что предпосылки к этому существуют, демонстрирует отказ США и их западных союзников от непосредственного военного вмешательства во внутрисирийский

конфликт, которое могло бы стать очередной гуманитарной интервенцией.

Однако очевидно, что широкий масштаб использования гуманитарных интервенций как акций наиболее развитых стран Запада по отношению к заведомо более слабым субъектам, выступает свидетельством кризисных явлений в современном устройстве мира и необходимости модернизации существующих институтов мирового сообщества, призванных обеспечить безопасность как на глобальном и региональном, так и национальном уровнях.

Литература

1. Гусейнов В. Гуманитарная интервенция как элемент нового миропорядка? / В. Гусейнов // Вестн. аналитики. 2001. № 3.
2. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. Преамбула. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. Устав Организации Объединенных Наций. Подписан 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско на заключительном заседании Конференции Объединенных Наций по созданию Международной Организации и вступил в силу 24 октября 1945 г. Гл. 1. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml>
4. Иноземцев В.Л. Гуманитарная интервенция. Понятия, задачи, методы осуществления / В.Л. Иноземцев // Космополис. 2005. №1 (11).
5. Международная конференция “Суверенитет государств и концепция ответственности по защите” / Центр мировой политики и общественной дипломатии. URL: <http://cmpod.ru/index.php/mezhdunarodnaya-konferentsiya-suverenitet-gosudarstv-i-kontseptsiya-otvetstvennosti-pozashchite>